

А. С. Лыцова

**«ДЛЯ СУЩЕ ПОСТОЯННОГО,
БЕЗОПАСНОГО И БЛАГОПОЛУЧНОГО...
НАШЕГО ОТЕЧЕСТВА ПРЕБЫВАНИЯ»:
ПОИСК ПУТЕЙ РЕШЕНИЯ КРИЗИСА ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЯ
В РОССИИ В 1741 ГОДУ**

В исследованиях по истории России Устав о престолонаследии 1722 года нередко рассматривается в качестве закона, нарушившего привычную систему передачи власти. Одним из возможных следствий принятия данного акта стала череда политических событий, определяемых как *дворцовые перевороты*. Исследователи этого периода уделяют особое внимание периоду междуцарствия 1730 г., на фоне которого довольно блекло выглядит изложение событий кризиса престолонаследия 1741 г., представляемое как своеобразный пролог триумфального восшествия на престол «дщери Петровой». Однако еще до дворцового переворота, возведшего на трон Елизавету Петровну, властьпридержащие сановники и представители столичного дворянства предприняли попытку выработать законодательные механизмы, которые бы смогли обеспечить политическую стабильность. Созданные ими проекты позволяют не только реконструировать период непродолжительного регентства Анны Леопольдовны, но и получить интересный материал для анализа процесса развития светской политической культуры в России XVIII века.

Впервые в историографии к теме престолонаследия обратился С. М. Соловьев. Опираясь в основном на протоколы допросов лиц, арестованных после прихода к власти Елизаветы Петровны (гр. А. И. Остермана, гр. М. Г. Головкина, И. Н. Темиряева

и некоторых других), он дал лаконичную характеристику проблеме, проявившейся осенью 1741 года¹.

Большой вклад в изучение событий конца 1741 г. внесла публикация источников, собранных К. И. Арсеньевым, и изданная П. П. Пекарским в 1872 г. Это протоколы заседаний, проходивших в доме А. И. Остермана, на которых обсуждались проблемы престолонаследия в начале ноября 1741 г., и материалы следственной комиссии, разбиравшей дела ведущих сановников регентства Анны Леопольдовны².

Несмотря на наличие этой публикации, историки долгое время не проявляли внимания к проблеме кризиса наследования трона в 1741 г. Ситуация изменилась только в современной российской историографии. Прежде всего, назовем работы И. В. Курукина (1997, 2003), в которых указано, что «желание Анны Леопольдовны издать акт о престолонаследии» обостряло ситуацию противоборства в среде правящей элиты³. К данной проблеме обращался О. А. Омельченко. В статье 2007 г. он пишет, что «Анна Леопольдовна секретным указом от 1 ноября 1741 г. своему Кабинету инициировала обсуждение вопроса о престолонаследии в специальном совещании высшей бюрократии». Исследователь обозначил основные вопросы, поднятые во время дискуссии – внесение корректив в принцип наследования власти, а именно: возможность передачи власти по женской линии, «уподобление общеевропейским началам законодательного регулирования вопросов престолонаследия» в России⁴.

Е. В. Анисимов в монографии «Иван VI Антонович» (2008) сделал, прежде всего, акцент на скрытой борьбе ведущих сановников в период регентства Анны Леопольдовны, фактически говоря, что правовые определения и юридические нормы были лишь ее своеобразной формой⁵. Упомянем также статью Е. М. Руссела (2012), где кратко описываются совещания 2–4 ноября 1741 г. Руссел приводит ссылку на статью О. А. Омельченко⁶, видимо, послужившую для него единственным источником информации – в обоих текстах (и у Омельченко, и Руссела) допущена ошибка в инициалах М. Г. Головкина: он называется Г. И. Головкиным.

Историки, с той или иной степенью подробности описывая 1741 год, в основном сводят изложение к придворным интригам. Между тем, за кажущейся очевидностью политических событий скрывается ряд до сих пор непроясненных и важных исследовательских проблем. Как обосновывалась легитимность предлагаемых вариантов выхода из кризиса престолонаследия? Что это дает для понимания политической

¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. XI. Т. 21–22. М., 1963. С. 47–51.

² Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. IX. СПб., 1872. С. 154–160, 222–331.

³ Курукин И. В. 1) Дворцовый переворот 1741 года: причины, «технология», уроки // Отечественная история. 1997. № 5. С. 7–8; 2) Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань, 2003. С. 317–318.

⁴ Омельченко О. А. Становление законодательного регулирования престолонаследия в Российской империи // Фемис. Ежегодник истории права и правоведения. 2006. Вып. 7. М., 2007. С. 31–32.

⁵ Анисимов Е. В. Иван VI Антонович. М., 2008. С. 169.

⁶ Russell E. M. Law, Succession, and the Eighteenth-Century Refounding of the Romanov Dynasty // *Dubitando: studies in history and culture in honor of Donald Ostrowski*. Bloomington (IN), 2012. P. 227.

культуры российского дворянства XVIII в.? Решению именно этих проблем должна способствовать публикация нижеприведенных документов. В Приложении публикуются Мнения и Проекты манифеста о престолонаследии, подготовленные А. И. Остерманом, М. Г. Головкиным, первенствующим членом Синода Амвросием, И. Н. Темирязевым и А. Позняковым.

* * *

По манифесту 5 октября 1740 г. наследником престола был объявлен младенец Иоанн, сын племянницы императрицы Анны Леопольдовны и Антона Браунгшвейгского. По понятным причинам Иоанн самостоятельно управлять не мог. В связи с этим в духовной Анны Иоанновны, оглашенной на следующий день после смерти императрицы, т. е. 18 октября 1740 г., до совершеннолетия Иоанна государством должен был управлять назначенный при нем регентом Э. И. Бирон. Принимая во внимание возможность скоропостижной смерти Иоанна, в духовную поместили следующую норму: «А ежели... Иоанн прежде возраста своего, и не оставя по себе законнорожденных наследников преставится, то в таком случае определяем и назначиваем в наследники первого по нем Принца брата его от Нашей любезнейшей племянницы». В случае смерти Иоанна и его братьев, а также «ненадежного наследства» регент должен был «заблаговременно с Кабинет-Министрами и Сенатом и Генералами Фельт Маршалами и прочим Генералитетом о установлении наследства крайнее попечение иметь, и по общему с ними согласию в Российскую Империю Сукцессора избрать и утвердить»⁷.

Такая формулировка указывала на сложность процедуры передачи власти в конце 1740 г. К моменту подписания духовной Иоанн был единственным ребенком Антона и Анны. Распространенная в то время детская смертность могла в любой момент сделать престол вакантным, и не было никаких гарантий, что после смерти императора избрание нового самодержца прошло бы спокойно, без борьбы внутри элиты, которая могла еще осложниться и внешним вмешательством.

Регентство Бирона продолжалось недолго. В ноябре 1740 г. он был свергнут, новым регентом стала Анна Леопольдовна. В июле 1741 г. у императора-младенца появилась сестра – Екатерина. Родись вместо нее брат, он стал бы новым императором в случае смерти Иоанна до совершеннолетия. Однако рождение принцессы, чей статус не был оговорен в духовной Анны Иоанновны, не способствовало стабилизации системы престолонаследия. Ситуация усложнилась тем, что 28 июля 1741 г. Швеция объявила России войну. Шведское правительство одной из целей поставило перед собой возведение на российский трон Елизаветы Петровны («безбожное намерение», по выражению А. И. Остермана)⁸. Эти обстоятельства подталкивали сановников к поиску решений, которые позволили бы избежать потрясений нового междуцарствия.

Опираясь на изданные материалы допросов представителей знати и дворянства, мы можем реконструировать ход событий осени 1841 г. Первым, кто сразу после свержения Бирона задался вопросом наследования трона, был М. Г. Головкин, указавший Анне Леопольдовне на то, что «в некоторых при таком учреждении наследства пунктах недо-

⁷ Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740–1742 годов. СПб., 1862. С. 626–627.

⁸ РГАДА. Ф. 3. Дела, относящиеся до внутренней и внешней политики России — (коллекция) Государственного архива российской империи. Д. 8. О бывших при правительнице Анне разсуждениях касательно наследования Российским престолом. Л. 44.

вольно изъяснено, а особливо о принцессах не упомянуто», но его слова не имели последствий, и вновь этот вопрос подняли лишь через год. Анна Леопольдовна, осознавая сложность ситуации, предприняла несколько шагов для ее разрешения. По ее поручению Головкиным к 1 ноября был составлен проект указа Кабинету министров⁹. В его первой редакции было помещено упоминание о присяге 1731 г., которая подтверждала Устав о престолонаследии 1722 г., а также о манифесте 5 октября и духовной 18 октября 1740 г.¹⁰ Однако во втором — итоговом — тексте было оставлено только упоминание о духовной. Сутью проектов был созыв совещания ключевых сановников империи для обсуждения лакун в этом правовом акте, касавшемся основных проблем престолонаследия. Согласно итоговому варианту, помимо кабинет-министров для участия в совещании следовало привлечь фельдмаршалов гр. Б. Х. Миниха и гр. П. П. Ласси, первенствующего члена Синода Новгородского архиепископа Амвросия и члена Синода епископа Стефана, генералов Г. П. Чернышева, А. И. Ушакова, В. Я. Левашова, адмирала гр. Н. Ф. Головина и генерал-прокурора Сената кн. Н. Ю. Трубецкого (см. документ № 1).

Инициатива обсуждения проблемы при участии обозначенного круга лиц не встретила понимания у другого кабинет-министра А. И. Остермана. Разногласия между министрами грозили привести к ссоре. Кабинет-министр даже предложил вести работу без М. Г. Головкина. Остерман считал, что будет достаточно участия, помимо него самого, кабинет-министра кн. А. М. Черкасского и архиепископа Амвросия¹¹. Анна Леопольдовна отправила записку Остерману, где предписала ему «з Головкиным сношение иметь, понеже он... то дело зачал, и дабы в противном случае от того не произошли б ссоры»¹².

Во исполнение распоряжения регента 2 ноября М. Г. Головкин посетил А. И. Остермана. Главной обсуждавшейся проблемой стал статус принцесс. 3 ноября состоялась новая встреча, на которой, помимо Остермана, присутствовали Головкин, А. М. Черкасский и архиепископ Амвросий. Несмотря на все усилия, Остерман не смог достичь своей цели и прийти к общему решению узким совещанием. Поэтому были подготовлены два мнения, которые должны были в итоге попасть в руки Анны Леопольдовны.

А. И. Остерман в своем мнении (см. документ № 2), сочиненном на следующий день, указывал на право принцесс наследовать власть. Он утверждал, что «по силе здешних государственных установлений (*constitution*), основательных законов (*grund gesetzen*) и обыкновений приходит наследство до принцесс и само по себе, когда не бывает принцев». Остерман полагал, что следует руководствоваться петровским Уставом о престолонаследии 1722 г., по которому «зависит то всегда от воли владеющего самодержавного государя, такое определение о наследстве учинить, какое он по своей самодержавной власти заблагоразсудит». В связи с этим, обращаясь к Анне Леопольдовне, он заявлял: «Ваше императорское высочество императорским именем с такою ж самодержавною властию и силою государство правите, какая приличествует владеющему императору»¹³. Этой формулировкой Остерман подтверждал право Анны Леопольдовны принять еще

⁹ Изложение вин графов: Остермана, Миниха, Головкина и других, сужденных в первые месяцы вступления на престол императрицы Елисаветы // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Т. IX. СПб., 1872. С. 244, 238.

¹⁰ РГАДА. Ф. 3. Д. 8. Л. 25–25 об. [см выше].

¹¹ Изложение вин графов... С. 236.

¹² РГАДА. Ф. 3. Д. 8. Л. 27.

¹³ РГАДА. Ф. 3. Д. 8. Л. 38–39.

до совершеннолетия Ивана во избежание кризиса престолонаследия манифест, утверждающий порядок передачи трона.

В то же время он понимал возможную спорность принятия решения — нового порядка престолонаследия — от имени недееспособного суверена. Согласно собственному признанию, он обсуждал это с приближенными Брауншвейгской семьи — гр. Р. Г. Левенвольде и бар. К. Л. Менгденом, и даже с профессором Хр. Ф. Гроссом, знатоком европейской юриспруденции, которому прямо заявил, что «государю, будучи малолетным, таких... указов выдавать было неприлично». Беседы именно с этими лицами не были случайны. Остерман, скорее всего, не желал своими предложениями ухудшить отношения с родителями императора, и рассчитывал через третьих лиц донести свои сомнения и предложения до правящей фамилии. Он полагал, что утверждение нового правового акта о престолонаследии можно «делать или властью, то есть указом, или прошением от народа», и считал предпочтительным его оформление «через прошение народное»¹⁴.

4-го ноября М. Г. Головкин и Амвросий подготовили записку для Анны Леопольдовны (см. документ № 3). Она сохранилась как в черновом, так и в беловом варианте. В этом документе они указали на следующие правовые проблемы: «От 5 октября 1740 г. о наследстве, так и в духовной, только о принцах, раждаемых от вашего императорского высочества, изображено; а о принцесах... ничего не упомянуто... также... ежели у вашего императорского высочества, как мужеска, так и женскаго полу случитца не будет». По их мнению, для поиска решений следовало созвать официальное собрание, состав которого, впрочем, должен был быть определен самой Анной Леопольдовной. При этом следует указать, что в черновом варианте было помещено такое предложение: «А когда оное собрание свое доношение со мнением внесет, тогда надобно оное представить наибольшему собранию до обер-офицера, а потом и всему государству надобно в том присягнуть»¹⁵. Несмотря на то, что в беловом варианте это добавление не попало, оно указывало на уже отмеченное желание Головкина и Амвросия организовать обсуждение проблемы более широким кругом представителей правящей элиты. При этом, следует подчеркнуть, Головкин и Амвросий стремились действовать в рамках процедуры, предусмотренной духовной Анны Иоанновны от 18 октября 1741 г., по которой в случае «ненадежного наследства» следовало собрать совещание элиты.

Сохранилось еще одно мнение, которое принадлежало только М. Г. Головкину (см. документ № 4). В этом документе кабинет-министр представил оригинальную интерпретацию духовной Анны Иоанновны. Не упомянув о принцессах, он заметил: «Хотя бы... принцов когда не случилось, то должны российские верные подданные дожидатца принца от Ея Императорского Высочества Государыни Великой Княгини, а не вновь кого избирать; а чтоб в таком случае, ежели Его Императорского величества не станет... то в таком случае... чтоб Ея Императорское Высочество Государыня Великая Княгиня и правительница всея России, тогда была императрицею»¹⁶. Итак, Головкин умолчал о необходимости созыва собрания и выбора наследника. Основываясь на том, что наследниками могут быть только сыновья Анны Леопольдовны, он пришел к выводу, что разумным будет сделать ее наследницей Иоанна. В этом была своя логика — учитывая

¹⁴ Изложение вин графов... С. 256.

¹⁵ РГАДА. Ф. 3. Д. 8. Л. 20, 19, 18.

¹⁶ РГАДА. Ф. 3. Д. 8. Л. 22–22 об.

высокую детскую смертность, перспектива наследования взрослым человеком престола казалась более предпочтительной чередой младенцев-императоров. И даже формулируя такие предложения Головкин стремился действовать в рамках духовной Анны Иоанновны, так как умолчал о принцессах. При этом он не затронул вопрос о процедуре соответствующего акта. Несмотря на признание допустимости наследования престола Анной Леопольдовной, он так и не отказался напрямую от идеи созыва совещания сановников. Впрочем, скорее всего, это мнение так и не попало в руки Анны Леопольдовны. Сам Головкин указывал на следствии, что «для себя свое мнение своеручно неоднократно писал, но «никому... (бумаги. — А. Л.) не показывал и жигал»¹⁷.

Таким образом, архиепископ Амвросий и кабинет-министры М. Г. Головкин и А. И. Остерман, отстаивая свою позицию, стремились руководствоваться тем или иным законодательным актом. В случае с мнением Головкина–Амвросия это была духовная Анна Иоанновна от 18 октября 1741 г. В то же время для Остермана тем правовым актом, на основании которого следовало решить вопрос, был Устав о престолонаследии Петра I 1722 г., определяемый им как *фундаментальный закон*.

Параллельно с обсуждением проблемы со своими сановниками Анна Леопольдовна вела переговоры с еще одной персоной – И. Н. Темиряевым. Не исключено, что появление этой фигуры сыграло не последнюю роль в том, чтобы подтолкнуть Анну Леопольдовну на организацию данного обсуждения.

Участие И. Н. Темиряева в решении проблемы кризиса престолонаследия в некоторой степени может показаться неожиданным. На момент прихода к власти Анны Леопольдовны он, будучи статским советником, служил в Коллегии экономии, а затем по своему прошению был произведен в действительные статские советники¹⁸. На то, что Темиряев был не самой известной фигурой при дворе, указывают слова Анны Леопольдовны о том, что «был-де у ней некоторой советник, а как его зовут, того не припомнит»¹⁹. Он не был знаком с кабинет-министрами. В то же время Темиряев был вхож отнюдь не в самые последние дома Петербурга и общался с довольно значимыми персонами. Он был в родстве с женой вице-губернатора Санкт-Петербурга П. Н. Мельгунова и посещал его дом. Темиряев вел политические разговоры в доме генерала-лейтенанта обер-коменданта Санкт-Петербурга С. Л. Игнатьева с камергером Анны Леопольдовны и обер-прокурором Сената И. О. Брылкиным, а также был знаком с придворным служителем Анны Леопольдовны — О. М. Ефимовским, родственником Савронских. Кроме того, Темиряев общался с первенствующим членом Св. Синода — архиепископом Амвросием, с которым также счел возможным обсудить тонкости престолонаследия в Российской империи²⁰.

17 октября 1741 г. состоялся разговор между И. О. Брылкиным и И. Н. Темиряевым, в котором последний сказал, что «прежний о великом князе Иоанне манифест и учиненная в правлении матери его присяга учинены ей предосудительны, потому что одни принцы написаны к наследию, а принцессы не упомянуты». В итоге Анна Леопольдовна поручила составление проектов манифеста о престолонаследии Темиря-

¹⁷ Изложение вин графов... С. 236.

¹⁸ Сборник биографий кавалергардов. 1724–1762. СПб., 1901. С. 51.

¹⁹ Изложение вин графов... С. 252.

²⁰ См.: Там же. С. 237, 239, 244, 252.

зеву в следующей форме: «Поди-де ты напиши таким маниром, как пишутся манифесты, два, один – в такой силе, что буде волею Божию государя не станет, а братьев после его и наследников не будет, то быть дочерям ея, принцессы Анны, по старшинству; а другой-де напиши, что ежели таким же образом государя не станет, то б наследницею быть ей, принцессе Анне». Кажется, Темирязов не ожидал получения от регентши такого задания, об этом говорит его реакция: «Услыша то замолчал, для того что он того написать не умеет, и оттого пришел в робость»²¹.

И. Н. Темирязов, не имея соответствующего опыта в написании подобных документов, обратился за помощью к секретарю Коллегии иностранных дел А. Познякову. В итоге их совместными усилиями были подготовлены два проекта (см. документы № 5 и 6), которые состояли из преамбулы и нормативной части. В преамбуле от имени Иоанна Антоновича указывалось, что право назначения наследника престола по Уставу 1722 г. принадлежит императору. По мнению авторов проекта акт присяги подданных, который произошел после провозглашения Устава, превратил его в своеобразный фундаментальный закон государства: «Устав от всех как духовных тако военных гражданских чинов и протчих верных Российской империи подданных торжественною присягою тогдаж подтвержден и на вечныя времена непоколебимым узаконен». Соответственно, именно на его основании и было возможно решение проблемы престолонаследия. При этом в тексте заявлялось, что «по Божеским, всенародным и российским правам» власть Анны Леопольдовны как регента должна была быть больше, нежели Бирона. Ведь последний был для России «чужестранным», а Анна — «природной и истинной всероссийской государыни... ближайшей императорской крови принцессой»²². Уже в нормативных частях проектов было помещено несколько вариантов о порядке наследования в случае смерти Иоанна Антоновича.

Проекты манифеста не успели попасть в руки Анны Леопольдовны: 25 ноября 1741 г. к власти пришла дочь Петра I. Кризис престолонаследия подобно «гордиеву узлу» был разрешен неожиданно и быстро – переворотом. Как результат, труды И. Н. Темирязова и А. Познякова, как и иных персон, вовлеченных в обсуждение проблемы выхода из кризиса престолонаследия, оказались напрасными. Более того, почти все участники описанных нами событий октября–ноября 1741 г. были осуждены на разные наказания и обвинены в том, что мешали занять Елизавете Петровне престол Российской империи.

Итак, переворот оборвал эти инициативы. Можно сказать, что они фактически не оказали значимого воздействия на историю имперского законодательства. Тем не менее, источники позволяют сделать некоторые интересные наблюдения о политической культуре России XVIII в.

Влиятельнейшие сановники империи, обеспокоенные потенциальным междуцарствием в случае возможной смерти младенца-императора, старательно изыскивали правовые обоснования для разных вариантов выхода из кризиса престолонаследия.

Опираясь на действующие правовые акты М. Г. Головкин, следуя букве и духу духовной Анны Иоанновны, фактически отказывался признавать право на российский престол за принцессами без проведения собрания сановников. Выбор Устава 1722 г. в качестве фундаментального закона Российской империи не был для Остермана резуль-

²¹ Там же. С. 237, 241.

²² РГАДА. Ф. 3. Д. 8. Л. 13.

татом спонтанного поиска какого-нибудь юридического основания. Он настаивал на этом, самое меньшее, с 1731 г., когда подготовил соответствующий манифест о подтверждении этого Устава и затем добился его принятия²³.

Проекты манифеста И. Н. Темиряева и А. Познякова также соответствовали легалистской логике. Сам Темиряев обратил особое внимание на лакуны в правовых актах, связанных с престолонаследием.

Итак, все участники событий проявили себя сторонниками «законной монархии», а не произвольных решений, пусть и освящаемых именем суверена. Это отнюдь не означало, что для других представителей столичного дворянства этого времени не был свойственен «своего рода правовой нигилизм»²⁴. Скорее, наши наблюдения указывают на вариативность и неоднородность бытовавших политических представлений.

В связи с этим важно указать на возможные источники вдохновения для создания соответствующих документов. Не исключено, что одним из интеллектуальных источников для М. Г. Головкина и архиепископа Амвросия была «Правда воли монаршей», где заявлялось: «Но что делать народу, когда Государь умрет, не оставив по себе, ни на словах, ни на письме определенного наследника... Должен народ всякими правильными догадами испытывать, какова была, или быти могла воля Государева»²⁵. Утверждения такого рода служили основанием для мнения, что в ситуации кризиса престолонаследия именно собрание элиты представлялось важным легитимирующим актом для принятия решения о судьбе престола.

Идея А. И. Остермана о существовании в государстве «основательных» законов отсылала к концепциям современной ему европейской правовой мысли. Это соответствовало его интеллектуальным предпочтениям, о которых можно судить по личному книжному собранию. Согласно его описи, кабинет-министр был обладателем одной из самых внушительных коллекций юридической литературы в России. Среди авторов в его библиотеке были представлены Г. Гроций, С. Пуфендорф, Хр. Томазий, И. Буддей, Ф. Г. Штрубе де Пирмонт и другие менее известные европейские юристы²⁶. Тут же уместно будет снова указать на факт обращения им за консультацией по вопросу престолонаследия к профессору Хр. Ф. Гроссу одному из первых преподавателей естественного права в России²⁷.

Не столь уж и простым оказывается идейное обоснование проектов у И. Н. Темиряева и А. Познякова. Указывая на Устав 1722 г. как правовую основу решения проблемы престолонаследия, они писали, что этот акт «подтвержден и навечно времена непоколебимым узаконен». Не исключено, что такая формулировка появилась благодаря опыту, который Позняков приобрел во время службы в Коллегии иностранных дел. Так или иначе мы можем говорить о влиянии европейской правовой мысли и утверждать,

²³ См.: Обстоятельства, приготовившие опалу Эрнста-Иоанна Бирона, герцога Курляндскаго // *Время*. 1861. Т. 6. № 12. Декабрь. С. 524–525.

²⁴ *Каменский А. Б.* Русское общество в 1740 году // «Цепь непрерывного предания...»: Сб. памяти А. Г. Тартаковского. М., 2004. С. 34.

²⁵ *Правда воли монаршей*. М., 1722. С. 34.

²⁶ СПФ АРАН. Ф. 3. Канцелярия Академии наук. Оп. 1. Д. 841. Опись конфискованных книг. Л. 157–179 об.

²⁷ *Бугров К. Д., Киселев М. А.* Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург, 2016. С. 130, 143.

что появление среди обсуждавших вопросы престолонаследия столичных дворян, не входивших в число верхушки правящей элиты, указывает на усвоение к началу 1740-х гг. элементов элитарной политической культуры управленцами среднего уровня.

Немаловажно, что участники описанных событий, оперируют прежде всего, светскими юридическими актами, нормами и понятиями и не считали необходимым апеллировать к доводам Священного писания. Данный факт, а также стремление решить кризисную ситуацию на основании права, идеи «законной монархии», отсылки к европейской правовой мысли раннего Нового времени, были маркерами успехов развития светской политической культуры в постпетровской России.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1

[М. Г. Головкин]

Проект указа Кабинету министров от имени Анны Леопольдовны об организации совещания по вопросам престолонаследия (вторая редакция)²⁸

1 ноября 1741 г.

(Л. 23) Секретной указ нашему Кабинету.

По сему созвать вам в Кабинет наш генералов фелт-маршалов графов фон Миниха и фон Лессиа, из духовных архиереев Новгородскаго и Псковскаго, да из полных генералов Чернышева, Ушакова, Левашова, адмирала графа Головина, генерала-прокурора князя Никиту Трубецкого. И, объявя им нижеследующее, иметь вам по сему общее рассуждение.

Надеяся на вашу многопоказанную к Российской империи продолжающую и верную службу нижеследующее вам любезноверным объявляю, что по неотступному прошению как от вас, так и от всех наших верных подданных приняла я правление всея России, пока (л. 23 об.) сын мой и государь в совершенныя лета и в возраст придет, на таком же основании, как блаженныя памяти тетка моя государыня императрица Анна Иоанновна бывшему регенту духовною своею определить изволила.

А понеже во оной написано (чего Боже сохрани): 1. Ежели блаженным соизволением оной любезной наш внук благоверный и великий князь Иоанн прежде возраста своего и не оставя по себе законно рожденных наследников преставится, в таком случае принять российской престол брату его, а моему второму сыну, а чтоб: 1) в небытность сыновей моих им дочерей моих наследовать, 2) в небытность как сына, так и дочери моих мне ли быть, пока Господь наследием мною всей Российской империи наградит, (л. 24) 3) и только ли те, которых от сего супружества наследники, того не изъяснено.

2. Чтob ему регенту в небытность моих сыновей вольно обще с Кабинетом с сенатом и с генералитетом, кого сукцессора похотят, избрать и утвердить.

Того ради сим повелеваем вам, любезноверным, о сем подумать. И чего по оной духовной по предписанному не достает, взяв, в зрелейшее рассуждение о впрעדь слу-

²⁸ Документ не подписан. Авторство установлено нами на основании допросов М. Г. Головкина. См.: Изложение вин графов... С. 238.

чатися могущих приключениях: 1) как пристойнее чему быть; 2) как то в сей Империи узаконить; 3) как то в действо произвести, о том письменно и заруча нам представить, дабы разныя нечаянныя случаи предусмотрены и предупреждены были во удовольствие и во успокоение как вему Российскому государству, так и нам.

Ноября 1 дня 1741

РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 23–24 об.

№ 2

[А. И. Остерман]

Мнение о престолонаследии, адресованное Анне Леопольдовне

[4 ноября 1741 г.]²⁹

(Л. 38) На вчерашнем съезде определено только то, чтоб дело оное принять в обстоятельнейшее и прилежнейшее разсуждение, а того подлинно не объявлено, что в прилежное разсуждение принять довольно. Я того желал для того, чтоб к скорейшему произведению сего дела в действие мог я тотчас объявить мое малое рассуждение, а особливо что к тому нет никакой причины, для чего бы мнения своего не сообщить другому, да то к порядочному и основательнейшему учреждению кажется еще и необходимо.

Сие дело само по себе в России весьма неново и не необыкновенно. По силе здешних государственных установлений, основательных законов, и обыкновений приходит наследство до принцесс и само по себе, когда не бывает принцов. (Л. 38 об.) Так содержано было сие в России и всегда; по учиненному от Петра Великого блаженныя и вечно достойныя памяти и от всех государственных чинов присягами подтвержденному узаконению зависит то всегда от воли владеющего самодержавного государя такое определение о наследстве учинить, какое он по своей самодержавной власти заблагоразсудит. А ваше императорское высочество императорским именем с такою же самодержавною властью и силою государство правите, какая приличествует владеющему императору.

Сие намеряемое новое учреждение не может не подтверждено быть и от его императорскаго величества, когда он придет в надлежащая лета возраста, для того что оно учинено в пользу принцесс сестр Его Величества.

(Л. 39) От сего малаго рассуждения само собою оказывается, и при том мое, хотя слабое, но верное и з должностию согласующееся мнение состоит в сем: чтоб нашему дражайшему императору и раждаемым от вашего императорскаго высочества принцам, братьям его величества (которых много да дарует нам всемогущий Бог), утвержденное наследство новым по самодержавной власти утверждаемым учреждением и на раждаемых от вашего императорскаго высочества принцесс сестр его величества распространено, и сие бы учреждение по здешнему обыкновению как от духовных, так и

²⁹ Мнение А. И. Остермана было написано на немецком языке (см.: РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 33–34 об.). Публикуемый документ представляет собой перевод, современный событиям конца 1741 г. Возможно, он был предназначен для других участников совещаний 2–4 ноября 1741 г., или же сделан во время следствия над Остерманом. Документ не датирован и не подписан. Авторство и время составления установлено нами на основании анализа записок А. И. Остермана о совещаниях, проходивших в его доме 2–4 ноября 1741 г. См.: РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 28–37.

от свецких чинов подписано и потом присягами утверждено, и таким образом важное сие дело вдруг к совершенству приведено было.

В сем вкратце состоит по малому моему мнению все то, что при сем деле (л. 39 об.) учинить надобно и что нам четверем обще и прежде всех зделать должно, ибо ежели сие дело единогласно и без всех особливых намерений предпринято не будет, а захочет всяк делать по-своему, то можно лехко разсудить, что от того больше продолжения, нежели скорого исполнения ожидать можно.

РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 38–39 об.

№ 3

М. Г. Головкин, архиепископ Амвросий

Мнение о престолонаследии, адресованное Анне Леопольдовне³⁰

4 ноября 1741 г.

(Л. 19) Разсуждение преосвященнаго Амвросия архиепископа Новгородскаго и вице-канцлера графа Головкина

Не соизволите ли Ваше Императорское Высочество назначить собрание, кого имянно, и тому собранию письмянно объявить.

(1) Что 5 числа октября прошлаго 1740 года блаженныя и вечно достойныя памяти государыня императрица Анна Иоанновна, вашего императорскаго высочества вселюбезнаго сына, а нашего всемилостивейшаго государя императора Иоанна Антоновича наследником Российской империи в народе публикованным манифестом, определить изволила.

(л. 19 об.) (2) А 18 числа октября происком Бирена учинена духовная, по которой определен он был регентом. Но понеже он и по оной всякия наглыя неустройствы и непотребствы чинил, того ради по прошению всех верных подданных взят под арест ноября 8 дня. А того ж месяца 9 числа, как духовные, так министры, генералитет и все верные подданные упросили ваше императорское высочество, чтоб вашему императорскому высочеству принять правление Всероссийской империи на таком же основании и в такой же власти и силе, как ему, Бирену, в духовной предписано было.

(3) А понеже как в манифесте (л. 20) от 5 октября 1740 года о наследстве, так и в духовной только о принцах, раждаемых от вашего императорскаго высочества изображено, а о принцесах, от вашего императорскаго высочества раждаемых, ничего не упомянуто, также, от чего Боже сохрани, ежели у вашего императорскаго высочества как мужеска, так и женска полу случитца не будет, то вашему императорскому высочеству быть о том *не изъяснено, и для того*³¹ о всем вышеписанном оному собранию надлежит разсудить и, письмянно заруча, подать вашему императорскому высочеству доношение, дабы разные нечаянные случаи предусмотрены и предупреждены были

³⁰ Здесь публикуется «беловой» вариант Мнения. В архивном деле также находится черновой вариант. Основное отличие состоит в том, что в беловой вариант не вошли следующие строки: «А когда оное собрание свое доношение со мнением внесет, тогда надобно оное представить наибольшему собранию до обер-офицера, а потом и всему государству надобно в том присягнуть». См.: РГАДА. Ф. 3. Д. 8. Л. 18.

³¹ Вставка на поле слева.

во удовольствие и во успокоение как всему Российскому государству, так и вашему императорскому высочеству.

Ноября 4 дня 1741 года

РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 19–20.

№ 4

[М. Г. Головкин]

Мнение о престолонаследии, адресованное Анне Леопольдовне

[Октябрь-ноябрь 1741 г.]³²

(Л. 21) О известном деле представление.

1. По указу блаженныя и вечностойныя памяти ея императорскаго величества государыни императрицы Анны Иоанновны в 1731-м году была присяга в том, что кого ея императорское величество по данной ей от Бога самодержавной императорской власти в наследники российского престола избрать изволила, тому и быть, и по оной как их высочества благоверные государыни царевны родные сестры ея императорскаго величества и благоверная государыня цесаревна Елисавет Петровна, так и все подданные Российского государства вышние и нижние чины присягали.

2. А в 1740-м году октября 5 дня опубликованным манифестом в законные наследники российского престола удостоен внук ея императорскаго величества ныне щастливо (л. 21 об.) владеющий всемилостивейший наш государь император Иоанн Антонович, и в то время, как высочайшие родители его императорскаго величества, так и благоверная государыня цесаревна Елисавет Петровна и все подданные по тому ж присягали.

3. Того ж 1740-го года 18-го числа октября осталась духовная ея императорскаго величества блаженныя и вечно достойная памяти, по которой его императорское величество наш всемилостивейший государь державу всероссийской империи получил.

4. Как по манифесту о наследстве октября от 5-го дня 1740-го года, так и по духовной изображено, что принцы, раждаемые от ея императорскаго высочества государыни великой княгини и правительницы всея России, один за одним Российской империи наследники, а о принцессах умолчано. А в случае чего, Боже сохрани, дана власть бывшему регенту собрать Кабинет, Сенат и генералитет, (л. 22) которым обще избрать сукцессора и утвердить. А понеже, хотя бы, чего Боже сохрани, принцов когда и не случилось, то должны российские верные подданные дожидатца принца от ея императорскаго высочества государыни великой княгини, а не вновь кого избирать. И того ради по вышеписанному, хотя б, чего Боже сохрани, когда принцов и не случилось, собрание таковое собирать неприлично.

5. А чтоб в таком случае, ежели его императорскаго величества не станет, чего Боже сохрани, не пришла Российская империя в неведомое и в болезненное состояние, того ради слабейшее мое мнение представляю: буде паче чаяния, чего Боже сохрани, когда государя не будет, то в таком случае, для спокойства и заблаговременного удовольствия всей Российской империи ныне узаконить под присягою, (л. 22 об.) чтоб ея импера-

³² Документ не подписан и не датирован. Авторство и время установлено на основании допросов М. Г. Головкина: Изложение вин графов... С. 246.

торское высочество государыня великая княгиня и правительница всяя России тогда была императрицею. И посему кажется, все сумнительствы, которые впредь произойти могут, пресекутся.

РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 21–22 об.

№ 5

[И. Н. Темиряев, А. Позняков]

Проект манифеста о престолонаследии (первый вариант)

[После 17 октября – до 25 ноября 1741 г.]³³

(Л. 9) Понеже всему свету, а особливо всем нашим верным подданным довольно известно есть, коим образом учиненным в 1722^м году февраля 5 дня по силе Божеских, всенародных и российских прав и законов уставом во всевысочайшую императорскую власть и благоволения правительствующих государей всероссийского самодержавного престола предано наследников, кого они токмо похотят, по себе на всероссийский престол именовать и определять, которой устав от всех как духовных, тако военных, гражданских чинов и протчих верных Российской империи подданных, торжественно³⁴ присягою тогда ж подтвержден и на вечныя времена непоколебимым узаконен; и в [1]731^м году ея императорскому величеству блаженныя и вечnodостойныя памяти государыни бабки нашей императрице Анне Иоанновне оной устав по тому ж от всех помянутых чинов генерально торжественно³⁵ присягою утвержден.

А в [1]740^м году помянутое ея императорское величество блаженныя и вечnodостойныя памяти государыня бабка наша нас и, кроме того, по всем Божеским, всенародным и всероссийским правам к российско-императорскому престолу природного, законного и истинного наследного государя по себе наследником определить и узаконить соизволила. Во время же нашего малолетства правительство нашего дражайшаго и любезнаго Отечества бывшему герцогу курлянскому Иоанну (л. 9 об.) Эрнсту предпоручить соизволила. И притом ему, яко чужестранному и российских законов прав и учреждений незнающему человеку, точныя пределы предписать соизволила, дабы он во всем по уставам, законам, определениям и учреждениям блаженныя и вечnodостойныя памяти прадеда нашего государя императора Петра Великаго и ея императорского величества блаженныя и вечnodостойныя памяти государыни бабки нашей императрицы Анны Иоанновны в духовных, военных, политических и гражданских делах поступал без всякой отмены, а в случае яко же бы ненадежнаго наследства обща с кабинет-министрами, Сенатом и генералитетом в Российскую империю наследника избрать и учредить имеет, еже все в опубликованном 11 октября 1740го году объявлении пространно показано.

Но понеже мы вскоре потом необходимо принуждены были помянутого бывшего курлянского герцога за его Богомерския всему свету известныя, а любезнейшему нашему Отечеству весьма вредныя, предосудительныя, бесщесныя дела и дальновидныя опасныя намерения от такого правительства отрешить и к генеральной всем нашим

³³ Документ не подписан и не датирован. Авторство и время составления установлено нами на основании допросов И. Н. Темиряева, см.: Изложение вин графов... С. 244.

³⁴ В оригинале: трождественною.

³⁵ В оригинале: трождественною.

верным подданным радости удовольствию и очевидному благополучию и приращению ея императорскому высочеству великой княгине всероссийской Анне нашей любезнейшей государыне матери оная нашего Отечества правительство предпоручить соизволили, которой яко природной и истинной всероссийской государыне и великой княгине власть в правительстве по всем Божеским, всенародным и российским правам на таких пределах, на каких (л. 10) помянутому чужестранному бывшему герцогу курлянскому сокращена и предписана быть не может.

Чего ради мы ныне по подданнейшему усердному желанию и прошению всех наших верных подданных, по дарованной нам от всевышняго Бога самодержавной императорской власти для вящего Всероссийской империи и всех наших верных подданных благосостояния, пользы и приращения следующая определения и учреждения учинили. (1) Ея императорскому высочеству великой княгине всероссийской Анне нашей любезнейшей государыне матери во время нашего малолетства правительство нашей Всероссийской империи во всем с такою полною и безпределенною властью и силою поручаем так, как бы мы сами, когда оное по нашей самодержавной монаршей власти отправлять могли, и все по изобретению и власти ея любезнейшей матери нашей государыни вновь учрежденныя и учреждаемыя правы и регламенты имеют быть в своей силе так, что по нас наследник должен оное свято и ненарушимо содержать. (2) Ежели всемогущему Богу по неиспытанным судьбам Его благоугодно явитца нас, не достигнув совершенного возраста или не оставя по нас потомственного наследника, в вечное преселитца блаженство (от которого злоклучия наша любезнейшая Отечество Боже сохрани), то в таком случае для суще постоянного безопасного и благополучного любезно дражайшаго нашего Отечества и всех наших верных подданных на вечныя времена пребывания, а особливо для предупреждения и отвращения от них (л. 10 об.) всякого вреда, беспокойства и дальних видов, данною нам от всевышнего Бога самодержавною императорскою властью учреждаем и определяем на всероссийский наш императорский престол наследницу ея императорское высочество великую княгиню всероссийскую Анну нашу любезнейшую государыню мать, которая и кроме сего нашего самодержавного определению яко ближайшая императорской крови пренцеса по всем Божеским и российским правам и по введенным в Российской империи обыкновением и недавно бывшим примерам российским престолам государствовавших императриц истинная природная и ближайшая нашего прародительского престола наследница.

Яко мы сие определение и учреждение для единой сущай пользы благосостояния и приращения нашей империи и всех наших верных подданных учинили, тако чрез сие всемилостивейше повелеваем, чтоб все государственныя как духовныя, так военныя и гражданския чины и протчия наши верныя подданныя сие нашему любезнейшему Отечеству благое и полезное всемилостивейше отеческое определение и указ свято и ненарушимо соблюдали, и по оному без всяких отмен поступали и во всем том ея императорскому высочеству великой княгине всероссийской любезнейшей нашей государыне матери должное повиновение и послушание воздавали и в том бы нам по христианской совести и как пред судом Божеским явитца трождественную присягу учинили, о нашем же и о всей нашей императорской дражайшай фамилии (л. 11) здравии, долгодействий и приращении из глубины сердца всещедраго Бога молили и просили Тому единому, да будет слава и честь вовеки. Аминь.

РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 9–11.

№ 6

[И. Н. Темиряев, А. Позняков]

Проект манифеста о престолонаследии (второй вариант)

[После 17 октября – до 25 ноября 1741 г.]³⁶

[...] ³⁷ (Л. 14 об.) (2) Ежели всемогущему Богу по неиспытанным судьбам Его благоугодно явитца нам, недостигнув совершенного возраста или не оставя по нас потомственного наследника, в вечное преселить блаженство (от которого злоключия наша любезнейшая Отечество Боже сохрани), то в таком случае определяем и учреждаем наследниками на всероссийский наш престол светлейших принцов братьев наших по нас от ея императорского высочества великой княгини всероссийской любезнейшей нашей государыни матери и от его императорского высочества Антона Ульриха герцога Брауншвейг-Люнебургского любезнейшего нашего государя родителя, раждаемых всегда по первенству перваго. (3) А ежели волею Божию от их императорских высочеств любезнейших наших государей родителей мужеска полу детей не произойдет, то в таком случае имеют наследовать светлейшия пренцесы наши любезныя сестры российския княжны, от того же супружества раждаемыя, таким же образом по первенству, как о любезнейших братьех наших выше сего изображено. (4) Ежели же по неиспытанному Божескому благоволению приключится, что от их императорских высочеств любезнейших наших государей родителей (Л. 15) детей никакого мужеска и женска полу не останетца, то в таковом случае принадлежащую нам по Божеским и всенародным правам и по выше изображенным на вечныя времена Всероссийской империи узаконенном и от всех верных подданных многократными присягами подтвержденным уставам самодержавною власть во избрании и определении наследника на всероссийской императорской престол вместо себя поручаем и в самопроизвольное благоволение предаем ея императорскому высочеству великой княгине всероссийской любезнейшей нашей государыне матери, которая в таком случае яко природная, законная и истинная государыня великая кнегиня всероссийская императорской крови ближайшая пренцеса вместо нас самих без всякого советования единою токмо самодержавною своею властию и благоволением наследника на всероссийской императорской престол избрать и определить имеет. И по такой ея императорскому высочеству порученной от нас власти избираемой и определяемой Российской империи наследник в такой силе и праве быть имеет, якобы он от нас самих самодержавною императорскою властию избран и определен был.

И яко мы сие определение и учреждение для единой и сушай пользы благосостояния и приращения нашей империи и всех наших верных (Л. 15 об.) подданных учинили, тако чрез сие всемилостивейше повелеваем, чтоб все государственныйя как духовныя, так военныя и гражданския чины и протчия наши верныя подданныя сие нашему любезнейшему Отечеству благое и полезное всемилостивейшая отеческое определения и указ свято и ненарушимо соблюдали и по оному без всяких отмен поступали и во

³⁶ Документ не подписан и не датирован. Авторство и время составления установлено нами на основании допросов И. Н. Темиряева, см.: Изложение вин графов... С. 244.

³⁷ Текст преамбулы и первого пункта на л. 13–14 об. полностью совпадает с текстом преамбулы и первого пункта первого варианта проекта манифеста. См. документ № 5.

всем том ея императорскому высочеству великой княгине всероссийской любезнейшей нашей государыне матери должное повиновение и послушание воздавали и в том бы нам по христианской совести и как пред судом Божиим явитца тождественную присягу учинили, о нашем же и о всей нашей императорской дражайшей фамилии здравий, долгодействий и приращении из глубины сердца всещедрого Бога молили и просили Тому единому, да будет слава и честь вовеки. Аминь. А для совершенного и точного исполнения всего вышеписанного сей манифест мы в народ публиковать повелели.

РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 13–15 об.

Данные о статье

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания Министерства образования и науки РФ № 33.8064.2017/8.9 «Коммуникативные поля бытования инновационных процессов в России Нового времени: генезис, функционирование, трансформации» (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет).

Автор: Лыцова, Анастасия Сергеевна — младший научный сотрудник, Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, anastasiya.kr.1992@gmail.com

Заголовок: «Для суще постоянного, безопасного и благополучного... нашего Отечества пребывания»: поиск путей решения кризиса престолонаследия в России в 1741 году

Резюме: Статья посвящена событиям, произошедшим в октябре–ноябре 1741 г., которые были связаны с попытками ряда сановников проработать законодательный механизм передачи власти в рамках правящей фамилии во избежание возможного междоусобицы. Активными участниками обсуждений оказались регент Анна Леопольдовна, кабинет-министры А. И. Остерман и М. Г. Головкин, первенствующий член Синода архиепископ Новгородский Амвросий, а также член Коллегии экономии И. Н. Темирязев и секретарь Коллегии иностранных дел А. Позняков. Как правило, в историографии эти события рассматриваются по-преимуществу в контексте придворных интриг. В то же время сохранившиеся документы представляют интерес как источники о политической культуре российского дворянства XVIII в. Анализ документов (мнения и проекты обозначенных лиц, которые публикуются в приложении к статье) позволяет сделать вывод, что позиции и предпочтения их авторов невозможно объяснить просто придворными конъюнктурами. Они стремились решить проблему в рамках действующего законодательства, проявляя себя сторонниками «законной монархии», а не произвольных решений, пусть и освящаемых именем суверена. Также эти события показали, что представители незнатного столичного дворянства имели шанс заявить о себе и даже повлиять на создание основополагающего закона монархии. Хотя приход к власти Елизаветы Петровны не позволил отмеченным проектам и мнениям оказать значимого воздействия на историю имперского законодательства, эти документы свидетельствуют об определенных успехах в развитии светской политической культуры в постпетровской России.

Ключевые слова: Анна Леопольдовна, фундаментальные законы, Устав о престолонаследии, А. И. Остерман, М. Г. Головкин, российская политическая культура, история России XVIII века

Литература, использованная в статье

- Анисимов, Евгений Викторович. Иван VI Антонович. Москва: Молодая гвардия, 2008. 350 с.
- Бирон, Эрнст Иоанн. Обстоятельства, приготовившие опалу Эрнеста-Иоанна Бирона, герцога Курляндского // *Время*. 1861. Т. 6. № 12. Декабрь. С. 522–542.
- Бугров, Константин Дмитриевич; Киселев, Михаил Александрович. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2016. 480 с.
- Изложение вин графов: Остермана, Миниха, Головкина и других, сужденных в первые месяцы вступления на престол императрицы Елисаветы // *Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук*. Т. IX. Исторические бумаги, собранные Константином Ивановичем Арсеньевым. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1872. С. 222–331.
- Каменский, Александр Борисович. Русское общество в 1740 году // «Цепь непрерывного предания...»: Сб. памяти А. Г. Тартаковского. Москва: РГГУ, 2004. С. 22–35.

Курукин, Игорь Владимирович. Дворцовый переворот 1741 года: причины, «технология», уроки // Отечественная история. 1997. № 5. С. 3–23.

Курукин, Игорь Владимирович. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань: б. и., 2003. 570 с.

Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740–1742 годов. Санкт-Петербург: тип. Иосафата Огризко, 1862. 638 с.

Омельченко, Олег Анатольевич. Становление законодательного регулирования престолонаследия в Российской империи // Фемис. Ежегодник истории права и правождения. 2006. Вып. 7. Москва: МГИУ, 2007. С. 15–54.

Правда воли монаршей. Москва: Московская типография, 1722. 63 с.

Сборник биографий кавалергардов. 1724–1762. Санкт-Петербург: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1901. 387 с.

Соловьев, Сергей Михайлович. История России с древнейших времен: В 15 кн. Кн. XI. Т. 21–22. Москва: Соцэкгиз, 1963. 647 с.

Russell, E. Martin. Law, Succession, and the Eighteenth-Century Refounding of the Romanov Dynastya // Dubitando: studies in history and culture in honor of Donald Ostrowski. Bloomington (IN), 2012. P. 225–242.

Information about the article

This article was prepared within the framework of the state project of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 33.8064.2017/8.9 «Communicative fields in modern Russian innovation: genesis, function, and transformation» (Laboratory for the Study of Primary Sources, Ural Federal University)

Author: Lystcova, Anastasiya Sergeevna — Junior Research, Laboratory of Primary Sources Research, Ural Federal University named by B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, anastasiya.kr.1992@gmail.com

Title: «For a truly stable, secure, and prosperous... Fatherland»: the search for a resolution to 1741 accession crisis in Russia

Summary: The article is devoted to the events that took place in October–November of 1741 which were connected with the attempts of a number of dignitaries to work out the legislative mechanism of accession within the ruling family in order to avoid a possible interregnum. The active participants of the discussions were Regent Anna Leopoldovna, cabinet ministers A. I. Osterman and M. G. Golovkin, the first member of the Synod Archbishop of Novgorod Ambrose, as well as a member of the Economy Collegium I. N. Temiriazev and the secretary of the Foreign Affairs Collegium A. Poznyakov. As a rule, in historiography these events are dealt with the court intrigues. At the same time the surviving documents are of special interest as sources of the political culture of the XVIIIth century Russian nobility. The analysis of documents (opinions and drafts of persons which are published in this article) allows us to conclude that the positions and preferences of their authors can not be explained simply by court conjuncture. They sought to solve the problem within the framework of the actual legislation. The authors showed themselves as supporters of the «legal monarchy» but not voluntary decisions even if it was sanctified by the name of the sovereign. Also these events showed that representatives of the ignoble metropolitan nobility had a chance to express themselves and even to influence the creation of the fundamental law of the monarchy. Although the coming to the power of Elizabeth Petrovna did not allow this projects to be realized and their opinions hadn't significant impact on the history of the imperial legislation, these documents testify to certain successes in the development of secular political culture in post-Petrine Russia.

Keywords: Anna Leopoldovna, fundamental law, succession law, A. I. Osterman, M. G. Golovkin, the European political culture, history of the XVIIIth century Russia

References

Anisimov, Evgeniy Viktorovich. *Ivan VI Antonovich [Ivan VI Antonovich]*. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2008. 350 p. (in Russian).

Biron, Ernst Ioann. *Obstoyatel'stva, prigotovivshie opalu Ernesta-Ioanna Birona, gercoga Kurlyandskogo [Circumstances that prepared the disgrace of Ernest-John Biron, Duke of Courland]*, in *Vremia*. 1861. Vol. 6. № 12. Dekabr'. P. 522–542. (in Russian).

Bugrov, Konstantin Dmitrievich; Kiselev, Mikhail Aleksandrovich. *Estestvennoe pravo i dobrodetel': Integraciya evropeyskogo vliyaniya v rossiyskuyu politicheskuyu kul'turu XVIII veka [Natural law and virtue: The integration of European influence into 18th century Russian political culture]*. Ekaterinburg: Ural University Press, 2016. 480 p. (in Russian).

Kamenskiy, Aleksandr Borisovich. *Russkoe obshhestvo v 1740 godu* [Russian society in 1740], in «Tsep' nepreryvnogo predaniya...». Moscow: RGGU Publ., 2004. P. 22–35. (in Russian).

Kurukin, Igor' Vladimirovich. Dvorcoviy perevorot 1741 goda: prichiny, «tehnologiya», uroki [Palace revolution of 1741: causes, technologies, lessons.], in *Otechestvennaya istoriya*. 1997. № 5. P. 3–23. (in Russian).

Kurukin, Igor' Vladimirovich. *Epoha «dvorskih bur'»: Ocherki politicheskoy istorii poslepetrovskoy Rossii, 1725–1762 gg.* [The Epoch of «Court Storms»: Essays on the Political History of Post-Petrine Russia, 1725–1762]. Ryazan', 2003. 570 p. (in Russian).

Omel'chenko, Oleg Anatolievich. Stanovlenie zakonodatel'nogo regulirovaniya prestolonaslediya v Rossiyskoy imperii [The formation of the legislative regulation of the succession in the Russian Empire], in *Femis. Ezhegodnik istorii prava i pravovedeniya*. 2006. Vol. 7. Moscow: MGIU Press, 2007. P. 15–54. (in Russian).

Russell, E. Martin. Law, Succession, and the Eighteenth-Century Refounding of the Romanov Dynasty, in *Dubitando: studies in history and culture in honor of Donald Ostrowski*. Bloomington (IN), 2012. P. 225–242.

Solovyev, Sergey Mikhailovich. *Istoriya Rossii s drevneyshih vremen: v 15 knigah* [History of Russia from the ancient times: in 15 vol.]. Vol. XI. T. 21–22. Moscow: Socekgiz Publ., 1963. 647 p. (in Russian).